

На правах рукописи

ИСМОИЛОВА МАШХУРА БУХОВАТДИНОВНА

**ИСТОРИЯ АНГЛО-РУССКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА
В СРЕДНЕЙ АЗИИ (1810-1896 гг.)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 Всеобщая история

ДУШАНБЕ – 2025

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова»

Научный руководитель:

Мамадалиев Иномжон Абдусатторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета истории и права ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова»

Официальные оппоненты:

Вохидова Санавбарбону – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом Европы Института изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана;

Сайнаков Сайнак Парпишоевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории таджикского народа Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни

Ведущая организация:

Российско-Таджикский (Славянский) Университет

Защита диссертации состоится 28 июня 2025 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета 73.2.012.05 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Таджикском национальном университете (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Таджикского национального университета и на сайте www.tnu.tj (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17).

Автореферат разослан «_____» «_____» 2025 г.

**И.о. ученого секретаря
диссертационного совета**

Собирова К.Д.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется тем, что среди многообразия международных событий XIX века, особый интерес представляет развернувшаяся в центрально-азиатском регионе «Большая игра». Соперницами являлись две крупнейшие империи того времени – Британская и Российская. Основными объектами противостояния которых стали Персия, Афганистан и Памир. Эти районы рассматривались и Великобританией и Россией как возможность усилиться самому и ослабить соперника и явились полем для военно-дипломатической игры.

Изначально хотим отметить, чтобы не вести в заблуждение ознакомляющегося с нашей работой, по некоторой тематической семантике, в этом ключе наши видения аргументируются следующими доводами: во-первых, в настоящей диссертации главный фокус отводится англо-русскому соперничеству в Средней Азии посредством Афганистана, а не «в» или «об» Афганистане; во-вторых, под Афганистаном подразумевается афганский город – Герат, который демонстрируется как «форпост», то есть передняя военная база, передняя линия или форт (значение, лат. *fortis* - «крепкий, сильный», большое замкнутое укрепление, составная часть внешней линии оборонных сооружений фортеции крепости с цитаделью) для английского проникновения в Среднюю Азию (аналогично – Оренбург был форпостом для Российской империи в проникновении в Среднюю Азию); в-третьих, чтоб историческая реальность была целостным, также рассматривается и российские контуры по среднеазиатскому вопросу, но из видения Запада; в-четвертых, данный вопрос рассматривается через призму западной советологии, а не советского западного видения; в-пятых, во избегании односторонности и для имперского компаратива, то есть сопоставления исторических событий используются классические источники и литературы дореволюционного, советского и постсоветского периода; в-шестых, в данной работе мы чаще используем географическое определение – Центральная Азия, потому что военно-политические горизонты выходят за рамки Средней Азии, поскольку в этой геополитической сцене участвуют много акторов (как западные, так и азиатские страны) или же много объектов превратившиеся в основной фокус имперских притязаний.

Актуализируется в историческом контексте с тем, что экспансия великих европейских держав, стремительно нарастающая в XIX в., вела уже не только к захвату, но и к переделу колониальных владений. В результате завязалось несколько узлов международных противоречий – на Балканах, Ближнем и Дальнем Востоке, в Центральной Азии, ведущую роль в которых играли Россия и Великобритания.¹

Данная тема актуальна еще тем, что современное положение центрально-азиатского региона для мировой политики далеко не однозначно. С одной стороны страны этого региона отличаются удивительной нестабильностью, взять хотя бы Афганистан, или среднеазиатские республики бывшего Советского Союза. С другой – Центральная Азия важна в стратегическом отношении – владея ситуацией на горных перевалах, можно контролировать события во всех прилегающих странах, а территория Афганистана, к примеру, является своеобразным перекрестком трансконтинентальных коммуникаций².

¹Данков А.Г. Отечественная и Британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX – начало XXI вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09/А.К.Данков. – Томск, 2008. – С. 3

²Максименко В.И. Расширенные тезисы к дискуссии. Форум: Геостратегическое значение Средней (Центральной) Азии в международных отношениях начала XXI века. // Восток, 2003. № 3. – С. 73.

Для территории Центральной Азии XIX век оказался периодом напряженных взаимоотношений, скорее, соперничества, двух крупнейших колониальных держав – Великобритании и России. Именно англо-русское соперничество и определило судьбу центрально-азиатских государств, не только в тот момент, но и для будущего, для некоторых оно закончилось определением четких границ (на европейской манере в противоположность восточной традиции с ее нечеткими и размытыми границами), некоторые лишились даже той небольшой самостоятельности, которой обладали до тех пор, пока не попали в сферу действия одной из держав, некоторым пришлось изменить свои экономические приоритеты и, пользуясь современным термином, специализацию на мировом рынке. Результаты взаимодействия России и Великобритании во второй половине XIX в. определили во многом последующую историю развития не только самих этих государств, но и всего региона почти на сто лет вперед¹.

Н.И. Конрад писал: «История каждого народа всегда связана с историей его соседей... Поэтому в истории народов действуют факторы, создаваемые именно общностью исторической жизни»². Фактором такого сближения стало ослабление позиции Российской империи в жесткой конкуренции в мировой системе, ее экономика постепенно становилась все более не конкурентоспособным, а ее военная доблесть по сравнению с другими европейскими державами, такими как Великобритания и Франция, была сильно скомпрометирована после поражения в Крымской войне. Военно-политическая конъюнктура обязала Россию завоевать южную часть Центральной Азии, чтобы создать свободный рынок для своих производителей и обеспечить более надежные поставки хлопка-сырца для своей растущей текстильной промышленности. В результате этого процесса Центральная Азия была включена в периферию расширяющейся капиталистической мировой системы, в результате чего она претерпела ряд болезненных социальных и экономических преобразований, которые наблюдались в других странах, колонизированных европейскими державами³.

Анализ мировых систем довольно сложная теория, здесь невозможно дать ее полное толкование.

Англичане на Среднем Востоке достигли своего кульминационного момента под предлогом демаркации русско-афганской границы расчленив, захватить значительные части территории Средней Азии. Это привело к резкому обострению не только англо-русских, но и русско-афганских отношений. Чтобы понять эту эпоху, нужно воссоздать ее во всей полноте. Таким образом, актуальность избранной темы в наши дни очевидна и обусловлена следующими факторами:

- необходимостью дальнейшей разработки как проблемы в целом, так и ряда ее аспектов в частности, которые до сих пор слабо отражены в исторических исследованиях;
- всевозрастающей ролью управленческой науки, призванной изучать прошлое в области имперского управления;
- важностью применения исторического опыта при проведении научной экспертизы в период рассмотрения различных звеньев по изменению исторической географии.

¹Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70-90-е годы XIX века: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.03/ А. В. Смирнова. – Санкт-Петербург, 2004. – 32 с.

²Конрад Н.И. Запад и Восток: Статьи. М.: Наука, 1966. С. 17 (520 с.); (2-е изд.) М.: Наука, 1972. – 496 с.

³Alexander Morrison, Russian Rule in Samarkand: A Comparison with British India, New York: Oxford University Press, 2008. p. 364

Степень изученности проблемы. В течение двадцатого века на Западе было опубликовано немало исследований, монографий и статей, в которых анализировалось английское соперничество и Российская колонизация Средней Азии. Хотя не было недостатков у ученых, публикующих книги на эту тему, однако, никто не попытался провести исследования или сравнительный анализ на базе двух имперских систем (английской и российской) и колониальных режимов других европейских держав в XIX веке. Исходя из большого объема историографического багажа, мы были вынуждены классифицировать подручную нам источников и литератур в несколько группы.

В **первую группу**, мы включили труды западных ученых второй половины XIX и начала XX вв., то есть, которые были непосредственными соратниками, очевидцами или участниками происходивших событий. Отметим, что данные труды для нас являются весьма важными по той простой причине, что поскольку они имеют более оригинальность по стилю и изложению исторических фактов, соответственно они являются источниками. Отметим, что в западных исследованиях такие особые идеологические цели не ставились, главным фактором являлась политизированность каждого вопроса, поскольку от этого следовал главный политический постулат каждого государства. К этой группе вошли труды авторов, которые были современниками, деятелями разных уровней и исследователями XIX века: A.de La Jonquiere, E. Ashley, W.F. Butler, A. Conolly, G.N. Curzon, J.T. Eckard, Even Kaye, M. Elphinstone, G.R. Elsmie, X.O. H.O. Dwight, Hamilton Charles, Hansard, O. Heyfelderin, C.M. MacGregor, H. Maxwell, A.D. Mordtmann, A.Vambery, Valentine Chirol, Pottinger Henry, F.H. Skrine, Schuyler Eugene, J.P. Ferrier, T.N.Waterfield, G. Forster¹.

Во **вторую группу** вошли зарубежные исследователи первой половины XX века, который было началом идеологических противостояний. Западные исследователи (как и советские исследователи), которые по большому счету старались навредить репутации ново созданной государственности в форме Советов путем историописании. Такая же картина происходила и в советской историописании, ярким тому примером можно видеть в становлении новой «покровской» исторической науки. Или же на тот момент такая форма исторического изложения с позиции советских исследователей назывался «буржуазная история». С другой стороны, для молодой государственности важно было создать собственную историю в отличие от «темного» и «имперского» прошлого, «новую» и «яркую» историю. В этот период внесли свою лепту в изучении имперской окраины, то есть Средней Азии следующие исследователи: P.P. Dodwell, J.H. Gleason, Hans Kohn, Harry B.

¹A.de La Jonquiere, *Histoire de l'Empire ottoman* (2d ed.; Paris, 1914), II, 178; W. S. Blunt, *Future of Islam* (London, 1882), pp. 79-81; Butler W. F., *Life of Sir George Pomeroy-Colley* (London, 1899), pp. 180-83; Ashley E. *Life of Henry John Temple, Viscount Palmerstone*, London, 1876, II, 128-129; Connolly A., *Journey to the North of India*, revised London, 1838, Volume II, 327-9, 339, 349-53; №.8 of November 25, 1831, P/364. G. de Lacy Evans and Lord Ellen borough's important dispatch of January 12, 1830; Curzon G. N. *Russia in Central Asia in 1889*, London, 1889, pp. 316; Enikeev S. 1898: "Neskol'ko slov o narodnykh sudakh [Some Words on People's Tribunals]," *Turkestanskije vedomosti*, n° 86, 15 November, pp. 721-723; Eckardt J. T. "Pan- islamismus," *Deutsche Rundschau*, XCVIII (1899), pp. 61-63; Even Kaye, 'the paramount importance of Herat, as the "gate of India', *Edinburgh Review*, 1857, CV, p. 284; Elphinstone M. *An Account of the Kingdom of Caubul*, London, 1815, p. 205; Elsmie G. R. *Epitome of Correspondence regarding our relations with-Afghanistan and Herat*, Govt. Press Lahore, 1863, pp. 27-32; H. O. Dwight, *Turkish life in war time* (New York, 1881), pp. 53-54; Hamilton Charles, 1791: *The Hedaya, or Guide; Commentary on the Mussulman Laws: translated by order of the Governor-General and Council of Bengal by Charles Hamilton*, London: Bensley; Hansard, *Parliamentary debates* (3d ser.), CCXXXIV (London, 1877), pp. 156-166; Derby to Loftus, June 13, 1877, "Correspondence respecting Central Asia," P.P., 1878-79, LXXVI, C. 2164, pp. 111-13; Heyfelderin O. Hoetsch, "Russisch Turkestan," *Schmollers Jahrbuch* 38, tio. 3 (1913): 344-345; Maxwell H. The Honourable Sir Charles Murray KCB, London, 1898. C.37, 57, 79, 85; Mordtmann A.D. *Stamboul und das moderne Tiirkenthum* (Leipzig, 1878), pp. 129-30; Vambery A. *The Life and Adventures of Arminius Vambery* (London, 1914), p. 308; *Central Asia: Part 2, Afghanistan*, Calcutta, 1871, pp. 341-71; Vambery A. "Pan- Islamism, Nineteenth century, LX (1906), 547-49; Valentine Chirol, "Pan-Islamism, " *Proceedings of the Central Asian Society*, Nov. 14, 1906, p. 6; Pottinger Henry, *Travels in Beloochistan and Sind*, London, 1816 /https://lib.ugent.be/catalog/ggc01:398799334; Skrine F. H. and E. D. Ross, *The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan*, London, 1901, pp. 248-9; Schuyler Eugene, 1876: *Turkistan. Notes on a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja*, London: Sampson & Lowe, 2 vols; Ferrier J. P. *Who visited Herat in 1845 in his History of the Afghans*, p. 258 and his *Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan*, London, 1856, p. 173; Waterfield T. N. September 15, 1853, L/PS/3/39, 205 and 209; FO to IO, September 12; Forster G. *A Journey from Bengal to England*, Volume II, London, 1798, p. 120.

Yosef, Habberton William, Ludwig Raschdau, Lothrop Stoddard, D.E. Lee, Wallace D. Mackenzie и C.K. Webster¹.

В третью группу вошли исследователи второй половины XX века, то есть после окончания Второй мировой войны с победой СССР, на Западе больше стало интересоваться Востоком, а именно советское пространство, появился новый горизонт западная советология. Как известно в мировой научной практике, побежденная идеология всегда старается копаться в истории, с целью в глубину понять свои упущения или новые происки. С другой стороны, появление новой дилеммы на западном исследовании, так называемое «эдвардского ориентализма», который и положил новую интерпретацию западной ориенталистике. В эту группу вошли: G. J. Alder, M.K. Anderson, Mark Bassin, Elizabeth Bacon, R.A. Berkeley, S. Becker, R. Daniel Brower and J. Edward, Burbank Jane and David L. Ransell, Marco Buttino, Caro Olaf, Demko George, S.A. Dudoignon and F. Georgeon, Andrea Graziosi, Geoffrey Wheeler, Gero Fedtke, Haim Gerber, B. Hallaq Wael, Mary Holdsworth, J.C. Hurewitz, Geoffrey Hosking, F.Kazemzadeh, W.E. Mosse, Adeeb Khalid, Kugelgen A., M. Kemper and A. J. Frank, Jacob Landau, C.J. Lowe, George Makdisi, David MacKenzie, Messick Brinckley, Mehmet Saray, R. Peirce, S. Pushkarev, Catherine Pujol, Symons and L.C. White, G. H. N. Seton-Watson, John W. Slocum, S. Thompstone, A.J. Toynbee, Tucker Judith, Togan Zeki Velidi, Young Crawford, Young Louise, M.E. Yapp, D. Yaroshevsky, Francis Watters, Wheeler Geoffrey, M.H. Jenks, J. Whitman².

Исследование имперского периода продолжается с огромным энтузиазмом и по сей день. Поскольку эпоха центрально-азиатской независимости дала новую возможность историкам работать за рубежом более широким размахом в недоступных и закрытых для иностранцев архивах, и библиотеках, где хранится огромный пласт первоисточников и

¹Dodwell II. "Central Asia, 1858-1918," Cambridge history of India, Vol. VI (1932), chap. XXIII; Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain, Harvard, 1950, Chapters 5-7; Hans Kohn, History of nationalism in the East (New York, 1929), chap. III; Harry B. Yosef. The Journal of Negro History Vol. 26, No. 1 (Jan., 1941), pp. 78-107 (30 pages); Habberton William. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan, 1837-1907 ("Illinois studies in the social sciences," Vol. XXI, No. 4) (Urbana, 1937); Ludwig Raschdau, Ein sinkendes Reich (Berlin, 1934), pp. 64-65; Deutsche All- gemeine Zeitung (Leipzig), June 21, 1877, p. 1127; "Lettres de Turquie," Univers (Paris), June 11, 1877, p. 2; Lothrop Stoddard, New world of Islam, (New York, 1921), pp. 45-89; Lee D.E. Great Britain and the Cyprus Convention policy of 1878 (Cambridge, Mass., 1934), pp. 49-50; Mackenzie Wallace D. The Times Book of Russia (London, 1916), p. 13; Webster C.K. 'Urquhart, Ponsonby, and Palmerston', English Historical Review, I. (1947), pp. 327-51.

²Alder G.J. The Key to India? Britain and the Herat Problem 1830-1863 - Part 1. Middle Eastern Studies Vol. 10, No. 2 (May, 1974), pp. 186-209 (24 pages) Published By: Taylor & Francis, Ltd; Anderson M. K. 1993: "Islamic Law and Colonial Encounter in British India", in J. CONNERS and Ch. MILLAT (eds.), Islamic Family Law, with a foreword of A. Allott, London: Graham & Trotman, pp. 205-223; Bacon Elizabeth, Central Asians Under Russian Rule: A Study in Culture Change (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1980), 31, 38; Berkeley R.A. Sentral Asia, 1867-1917, 1960, pp. 17-18; Becker S. Protectorates of Russia in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924 (Cambridge, Massachusetts, 1968), pp. 11-13; Brower Daniel R. and Edward J. LAZZERINI (eds.), 1997: Russia's Orient: Imper-ial borderlands and peoples, 1700-1917, Bloomington: Indiana University Press; Burbank Jane and David L. Ransell (eds.), 1998: Imperial Russia: new histories for the Empire, Bloomington: Indiana University Press; Buttino Marco, 1991: "Turkestan 1917, la revolution des Russes," Cahiers du monde russe et sovietique, vol. 32, pp. 61-77. 2003: La Rivoluzione capovolta: L'Asia centrale tra il crollo dell'impero Zarista e la formazione dell'URSS, Naples: L'Ancora del Mediterraneo; Caro Olaf, Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism (London, 1967), pp. 5-6; Demko George, The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896—1916 (Bloomington: Indiana Uni-versity Press, 1969); Dudoignon S.A. and Georgeon F. 'Le Reformisme Musulman en Asie Centrale. Du "premier renouveau" a la Sovietisation 1788-1937', Cahiers du Monde Russe, 37, 1996, 1-2; Graziosi Andrea, 1999: "The New Soviet Archival Sources. Hypotheses for a Critical Assessment", Cahiers du Monde Russe, vol. 40, n° 1-2, pp. 13-63; Geoffrey Wheeler, The Soviet Central Asia (London, 1964), pp. 48-52; Guerre d'Orient [Paris, 1877-78], I, 319-23; Gero Fedtke, 'Jadids, Young Bukharans, Communists and the Bukharan Revolution: From an Ideological Debate in the Early Soviet Union', in Von Kugelgen et al. (eds), Muslim Culture in Russia and Central Asia. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations, Berlin, 1998, pp. 483-512; Haim Gerber. 1999: Islamic Law and Culture 1600-1840, Leiden: Brill; Hallaq Wael B., [1994]: "From Fatwas to Furu': Growth and Change in Islamic Substantive Law", Islamic Law and Society, 53/1, pp. 29-65; Holdsworth Mary. Turkestan in the Nineteenth Century (London: Central Asian Research Center, 1959), 21-22; Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near and Middle East, New York, 1956, p. 96. The Anglo-Persian treaty of 1814, p. 86; Hosking Geoffrey, 1997: Russia: people and empire, 1552-1917, London; Kazemzadeh F. Russia and Great Britain in Persia, 1864-1914, New Haven, 1968, p. 15; Mosse W.E. Alexander II and the Modernization of Russia. New York: The Macmillan Company, 1958. 191 pp; Khalid Adeeb, 1996: "Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan," Slavic Review, vol. 55, pp. 270-296. 1998: The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press; Kugelgen A., M. Kemper and A. J. Frank (eds.), Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries, vol. 2, Berlin: Klaus Schwarz Verlag, pp. 354-384; Landau Jacob, 1990: The politics of pan-Islam: ideology and organization, Oxford: Clarendon Press; Lowe C. J. The Reluctant Imperialists (New York, 1967), p. 306; Makdisi George, 1981: The Rise of Colleges. Institutions of learning in Islam and the West, Edinburgh: Edinburgh University Press; MacKenzie David. "Kaufman of Turkestan: An Assessment of His Administration, 1867-1881, Slavic Review 26, no. 2 (1967):267-68, 271; Messick Brinckley, 1993: The Calligraphic State: Textual Domination and History in a.

литератур по Центральной Азии.

К четвёртой группе относятся труды следующих исследователей: Ben-Ghiat Ruth and Mia Fuller, Beckert Sven, Brower Daniel R., Brower Daniel, Brower Daniel, Crews Robert, Crews Robert D, Dudden Alexis, Dudoingnon Stephane D, Eschment B. and H. Harder, Erkinov Aftandil, Gladwin Transl, Gerasi Robert, Hablemit oglu Necip and Timur Kosa oglu, Kappeler Andreas, Kemper Michael, Martin Virginia, Morrison Alexander, Mostashari Firouzeh, Virginia Martin, Miller Alexei and Alfred J. RIEBER, Naganawa Norihiro, Powers David, Palumbo Patrizia, Sahadeo Jeff, Sartori Paolo, Scott Alan Kugle, Frank Allen J., Scott Levi¹.

Выдвигаемая нами проблема пристально исследовалась и советскими учеными, поскольку именно в этот период была заложена та советская основа и видение по вопросу англо-русского соперничества в Средней Азии. Но надо отметить, что в советский период накоплено немало трудов и они имеют общий характер в том плане, что исследователи как колониального периода, так и периода англо-русского соперничества придерживались только классово-идеологическую позицию. Также хотим отметить, что нами использованы те труды, которые мы сочли нужным. К этой группе можно отнести следующие работы: Г. Сафарова, А.Е. Снесарева, Е.Л.Штейнберга, Х. Назарова, Г.А.Хидоятова, Н.А. Халфина, А.А. Аминовой, С.З.Мартиросова М.И. Вексельмана, М.П. Вяткина, П.Г. Галузо, Е.Н. Комарова, Н.И. Конрада, М.К. Рожковой².

¹Ben-Ghiat Ruth and Mia Fuller (eds.), 2005: Italian colonialism, New York: Palgrave Macmillan; Beckert Sven, 2004. Emancipation and empire: Reconstructing in worldwide web of cotton production in the age of the American Civil War. American Historical Review 109(5): 1405-1438. Wood to Dalhousie, December 24, 1853, Eur. Mss. F.78 LB IV, 32; Brower Daniel R., 2003: Turkestan and the fate of the Russian Empire, London: Routledge Curzon; Brower Daniel, Turkestan and the Fate of the Russian Empire, London, 2003, pp. 9-14; Crews Robert, 2004: "Islamic Law, Imperial Order: Muslims, Jews, and the Russian State," Ab Imperio, n° 3, pp. 467-490. 2006: For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia, Cambridge, Mass.: Harvard University Press; Crews Robert, 2004: "Islamic Law, Imperial Order: Muslims, Jews, and the Russian State," Ab Imperio, n° 3, pp. 467-490. 2006: For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia, Cambridge, Mass.: Harvard University Press; Dudden Alexis, 2005: Japan's colonization of Korea: discourse and power, Honolulu: University of Hawai'i Press; Eschment B. and H. Harder. 2004: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas, Wtirzburg: Ergon, pp. 75-90; Erkinov Aftandil, 2004: Praying for and Against the Tsar. Prayers and Sermons in Russian-Dominated Khiva and Tsarist Turkestan, (Anor; 16), Berlin: Klaus Schwarz Verlag; Gladwin Transl. F. Ayeen Akbery: Volume 2: Or, The Institutes of the Emperor Akber (Cambridge Library Collection - South Asian History) Paperback – Import, 2 January 2014, p. 201; Gerasi Robert, 2001: Window on the East: national and imperial identities in late Tsarist Russia, Ithaca, NY: Cornell University Press; Hablemit oglu Necip and Timur Kosa oglu. 2001: "Behbud'i'nin Tirkistan Medeni Muhtariyeti Layihasi," in Timur Kosa oglu (ed.), Turkistan'da Yenilik Hareketleri ve Itilaller, 1900-1924: Osman Hoca Anisina Incelemeler, Haarlem: SOTA, pp. 436-466; Kappeler Andreas, 2001: The Russian empire: a multiethnic history, London: Pearson; Kemper Michael, 2007: "Adat Against Shari'a: Russian Approaches towards Krausse A. S. Russia in Asia: A Record and a Study, 1588-1899, London, 1899, pp. 134-135; Martin Virginia, 2001: Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century, Surrey Eng.: Curzon; Morrison Alexander, 2005: Russian Rule in Samarkand, 1868-1910: A Comparison with British India, doctoral thesis, Oxford University; Mostashari Firouzeh, 2006: On the Religious Frontier. Tsarist Russia and Islam in the Caucasus, London, New York: Tauris; Virginia Martin, Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century, London, 2001; Miller Alexei and Alfred J. RIEBER, 2004: Imperial Rule, Budapest: Central European University Press; Naganawa Norihiro, 2006: "Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905", Acta Slavica Iaponica, 23, pp. 101-123; Powers David S., 2002: Law, Society, and Culture in the Maghrib, 1300-1500, Cambridge: Cambridge University Press; Palumbo Patrizia, 2003: A place in the sun: Africa in Italian colonial culture from post-unification to the present, Berkeley: University of California Press; Sahadeo Jeff, 2007: Russian colonial society in Tashkent, 1865-1923, Blooming- ton: Indiana University Press; Sartori Paolo, 2006: "Tashkent 1918: giurisperiti musulmani e autorita soviet- che contro 'i predicatori del bazar'", Annali di Ca 'Foscari, Serie Orientale 37, vol. XLV, n. 3, pp. 113-139. 2008a; Scott Alan Kugle, 'Framed, Blamed and Renamed: The Recasting of Islamic Jurisprudence in Colonial South Asia', in Modern Asian Studies, 35, 2001, pp. 257-315; Frank Allen J., 2001: Muslim Religious Institutions in Imperial Russia. The Islamic World of the Novouzensk District & the Kazakh Inner Horde, 1780/1910, Leiden: Brill; Scott Levi. The Bukharan Crisis: A Connected History of 18th-Century Central Asia (University of Pittsburgh Press, 2020); The Rise and Fall of Khoqand, 1709-1876: Central Asia in the Global Age (University of Pittsburgh Press, 2017).

²Сафаров.Г. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). М.: Государственное издательство. 1921. 148 с.; Снесарев А.Е. Афганистан. – М., 1921.; Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. – М., 1951; Назаров Х. Взаимоотношения между Бухарой и Афганистаном (от середины XVIII в. до начала XX в.) (на таджикском языке). Душанбе, 1963. – 180 с.; Хидоятов Г.А Из истории англо-русских отношений в средней Азии в конце XIX века. –Ташкент, 1969.; Халфин, Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-е 90-е гг. XIX в.) /Н.А. Халфин. М.: Наука. 1965. 468 с.; Халфин, Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке. (70-е годы XIX века) /Н.А. Халфин. – Ташкент: Издательство Среднеазиатского государственного университета, 1957. 251 с.; Аминова, А.А. Экономическое развитие Средней Азии. Ташкент: Госиздат Уз.ССР. 1959. 298 с.; Мартиросов С.З. Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе. – Ашхабад, 1962; Вексельман, М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средне Азии (конец XIX-начало XX вв.) /М.И. Вексельман. Ташкент: Фан. 1987. 143 с.; Вяткин, М.П. Монополистический капитал в Средней Азии /М.П. Вяткин. Фрунзе: Изд. АН Кирг. ССР. 1962. 161 с.; Галузо, П. Г.

В изучении исторического аспекта англо-русского соперничества сделаны очень много трудов и таджикскими учеными. Несмотря на существовавшее идеологическое табу, отечественные историки внесли неоценимую лепту. Да, конечно, в отечественной историографии как в советский, так и в постсоветский период исследован самый широкий аспект истории XIX – начала XX вв., но мы выборочно остановились на тех трудах, которые непосредственно относятся к нашему исследованию, например, труды Б.И. Искандарова, О.Б. Бокиева, Т.Г. Тухтаметова, Н. Касымова, Х. Пирумшоева, Р.М. Масова, В.В. Дубовицкого, Р.И. Хамдамовой, М.К. Джамаловой, М.М. Алимшоева, И.А. Мамадалиева и т.д.¹

Надо отметить, что имеются и диссертационные работы, которые близки к нашей теме, это связано с тем, что каждый исследователь описывая той или иной аспект колониального периода по неволе соприкасается выдвигаемой нами проблемой, соответственно они попутно отражают интересующиеся нами аспекты, к таким относятся работы О.А. Егоренко, И.А. Мамадалиева, Н.В. Терентьевой, В.В. Соколова, С.М. Шукуровой, М.Х. Пирумшоева, Б.А. Алимджанова, А.В. Сальниковой, Д.В. Васильева и Д.А. Сапунова².

Проблема англо-русского соперничества частично затрагивается также в трудах Э. Ходжибекова,³ А. Ёрова,⁴ А. Валиева⁵ и др. Данные авторы затрагивают англо-русские проблемы где пересекается с их темой исследования.

Туркестан - колония: очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года [Туркестан, колония: история Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года], Москва: Издание Коммунистического университета трудящихся востока. 1929. 162 с.; Комаров, Е.Н. В России и Индии: из воспоминаний и наблюдений в Болонье. Москва. 1998. 192 с.; Конрад, Н.И. Запад и Восток: Статьи. М.: Наука, 1966. 520 с.; (2-е изд.) М.: Наука. 1972. 496 с.; Рожкова, М.К. Экономические связи России со Средней Азией (40-е гг. XIX в.) / М.К. Рожкова. М.: Изд. АН СССР. 1963. 237 с.

¹Искандаров Б.И. Англо-русское разграничение 1872-1873 гг. // Вопросы истории Таджикистана. - Сталинабад, 1961. - С. 84-103; Восточная Бухара и Памир во 2 пол. XIX в. Ч. 1-2. - Душанбе, 1962-63; Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX в.). - М., 1958; Бокиев О.Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и горного Бадахшана к России. - Душанбе, 1994; Тухтаметов Т.Г. Антирусские происки иностранцев в Бухаре и на Памире. Политические течения в эмирате // Вопросы истории Таджикистана. - Сталинабад, 1961. - С. 140-178; Международное положение Бухарского эмирата в конце XIX - нач. XX вв. // Ученые записки Ташкентского Гос. Пед. Ин-та. Вып. 4. Исторический. - Ташкент, 1957. - С. 329-350; Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских частей в городах Ходжента и Ура-Тюбе // Материалы по истории городов Таджикистана. - Душанбе, 1975; Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI - середины XIX веков в русской историографии. Душанбе: Маориф, 2000. - С. 335; Масов Р. М. Роль России в исторических судьбах таджикского народа и его национально - государственном строительстве // Мерси Нигон, - 2001 - № 5. С.8 - 14.; Пирумшоев Х., Маликов М. Россия - Таджикистан: История взаимоотношений. - Душанбе: РТСУ, 2009. - С.365-366.; Дубовицкий, В.В. Усмотрения корпусных командиров (или о мотивах и характере присоединения Средней Азии к России) / В.В. Дубовицкий. Электронный ресурс. - Режим доступа: <http://www.cac.org/datarus/dubovicki.shtml>; Хамдамова Р.И. Значение присоединения Средней Азии к России и его влияние на развитие культуры и просвещение таджикского народа. - Душанбе, 1987.; Джамалова М.К. Завоевание северного Таджикистана царской Россией: Дис... канд. ист. наук. - Душанбе, 1990; Алимшоев М.М. История взаимоотношений Российской пограничной службы на Памире с местным населением в конце XIX - начале XX вв.: Дисс... канд. ист. наук. - Душанбе 2003; Мамадалиев, И.А. России и Средней Азии: особенности колониально-административного управления (вторая половина XIX - XX вв.). Худжанд: Ношир. 2013. 406 с.

²Егоренко, О.А. Бухарский эмират в период протектората России (1868-1920 гг.). Историография проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/ О.А. Егоренко. - Москва, 2008. - 31 с.; Мамадалиев И.А. Присоединение Средней Азии к России и особенности ее административного управления: вторая половина XIX - начало XX вв.: Автореф. дис. ... док. ист. наук: 07.00.02/ И.А.Мамадалиев. - Душанбе, 2013. - 404 с.; Терентьева, Н.В. Советская историография англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/ Н.В.Терентьева. - Нижневартонск, 2003. - 171 с.; Соколов, В.В. Туркестанский край в составе Российской империи, вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.: Проблемы социально-экономического и общественно-политического развития: дис. ... канд. док. наук: 07.00.02/ В.В.Соколов. - Москва, 2002. - 526 с.; Шукурова, С.М. Освещение административно-политического устройства дореволюционного Таджикистана в трудах русских исследователей, конец XVIII - начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ С.М.Шукурова. - Душанбе, 1998. - 149 с.; Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX - начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/ М.Х.Пирумшоев. - Душанбе, 2011. - 218 с.; Алимджанов, Б.А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве: вторая половина XXI - начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03/ Б.А. Алимджанов. - СПб, 2016. - 376 с.; Сальникова, А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX - начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03/ А.В.Сальникова. - Иваново, 2009. - 24 с.; Васильев, Д.В. Становление и развитие системы управления Туркестанского края, 1865-1886 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Д.В.Васильев. - Москва, 1999. - 286 с.; Сапунов, Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России: 40-90-е гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Д.А.Сапунов. - Челябинск, 2001. - 259 с.

³Ходжибеков Э. Исламские духовные наставники (пиры) и их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана: Вторая половина XIX - 30-е годы XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. - Душанбе, 2002 - 167 с.

⁴Ёров А.Ш. Бухарский эмират на мировом рынке: Вторая половина XIX - начало XX столетия: дис. ... канд. истор. наук. - Душанбе, 2005. - 153 с.

⁵Валиев А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XIX - начало XX вв.). - Душанбе: РТСУ, 2013. - 229 с.

Отдельно следует отметить, труды отечественных исследователей, в которых отражается военно-политическая, социальная положения Афганистана, так или иначе затрагивающие темы нашего исследования. Например: Х.С. Саидова, Л. Темирхонова, К. Искандарова, Р.Ш. Нуриддинова¹ и др.

Цели и задачи исследования. Главной целью настоящей работы является комплексное историко-правовое исследование эволюционного процесса геополитических притязаний в контексте «Большой игры» мировых держав в Центральной Азии. Русско-афганское разграничение – как своеобразная форма англо-русской борьбы за Средний Восток, не нашло еще достаточного отражения в исторической литературе, что и побудило автора избрать исследовательской темой и поставить перед собой задачу осветить некоторые стороны русско-афганского разграничения, как последствия английского соперничества и английской колониальной политики в Средней Азии в XIX веке.

Заключительный акт исследования достигается только путем обобщения необходимых исторических фактов, которые извлекаются из западных, российских (дореволюционных) и архивных источников, дающие основание для научных выводов по широкому спектру аспектов научного исследования с учетом применения различных теоретических подходов.

Поэтому настоящая работа ставит перед собой цель анализировать труды западных и русских исследователей, официальных и неофициальных документов (отчеты и исследования, основанные на результаты личных наблюдений послов, членов посольств, участников различных научных изысканий, экспедиций, путешествий, военных походов), отражающие основные принципы и направления английского проникновения в Среднюю Азию посредством Афганистана, англо-русское военно-политическое и экономическое соперничество в центрально-азиатской геополитике, характер имперских управлений.

Для выполнения нашего диссертационного исследования мы поставили перед собой следующие **задачи**:

- рассмотреть главные векторы англо-русского геополитического противоречия по центрально-азиатскому вопросу;
- осветить деятельность агентурных сетей;
- рассмотреть экономический фактор англо-русского противоречия;
- определение идейных основ англо-русских колониальных притязаний в контексте «Большой игры» в Средней Азии;
- выявление особенностей колониального управления Англии и России;
- провести двухмерное сопоставление имперского подхода.

Для достижения поставленной нами цели, предусмотрен также следующий инструментарий:

- максимально собрать фактический материал, имеющийся главным образом в западной историографии по английским происка в Средней Азии;
- провести анализ о главных векторах политической борьбы Великобритании, как исторический феномен во всех ее отношениях в условиях цивилизационной несовместимости;

¹ Саидов Х.С. Афганистан в поисках путей национально-государственного развития - М.: РАГС, 2009. – 440 с; Темирханов Л. Восточные пуштыны в Новое время (этно-социальная характеристика) / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1984. - 88 с.; Искандаров К. Афганистан в период правительства национального единства. Политические процессы и проблемы безопасности. - Душанбе: Дониш, 2021. - 352 с.; Нуриддинов Р.Ш. Место и роль России в формировании новой геополитической системы международных отношений в странах Среднего Востока/ Р.Ш. Нуриддинов. — Новосибирск, 2009. — 170 с.

- охарактеризовать основные контуры возникновения соперничества двух сверхдержав (Англия и Россия);
- анализировать характерные особенности имперского колониального управления.

Источниковедческая база работы является весьма обширной и многообразной. Не менее ценными источниками являются различные по содержанию и уровню официальные документы, исходящие от правительств Великобритании и России по центрально-азиатскому вопросу, Министерства иностранных и внутренних дел и от военного министерства. Также предписания, инструкции, указания и исполнителей более высокого, среднего и нижнего по рангу – соответствующие поручения, приказы и уведомления, рапорты, донесения, отчеты и прочие.

В **первую группу** вошли, главным образом, архивные материалы – Центральный Государственный исторический архив (ЦГИА), фонд 1396, опись 1, д. 437, д. 362, фонд 811, опись 1, д. 27. Материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), фонд 954 (К. П. фон Кауфман), индекс 1, файл 112, фонд 102, Департамент полиции МВД, Особый отдел, фонд 1369, оп. 1, д. 264. Материалы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз.), фонд - И-1, опись 1, дело. 63.

Во **вторую группу** мы включили выборочные номера журналов, изданные в разные периоды, но в них содержатся весьма интересные рассудительные, позиционные, фактологические и цифровые данные. Естественно, возникнет логический вопрос – почему выборочный? Ответ очевиден – из-за большого массива материалов мы не были в силе включить всех номеров или многочисленные журналы, в которых имелись сопутствующие материалы. Таким образом, в эту группу вошли: Great Britain. Parliament, 1873: "Central Asia, No. 2; Correspondence Respecting Central Asia", London: HMSO. Great Britain, foreign office, Mohammedan history ("Peace handbooks," Vol. X, No. 57) (London, 1920); Baring Bros, Company Archives, Bishopsgate, London Credit Registers; Hunter J.B. A History of J & P Coats: A Study in Economic Development and Organization (Unpublished Company History, Glasgow, n.d.); Historical Journal, "The "garbled" Blue Books of 1839 - myth or reality?" 1972, XV; Kleinwort A. & Co. Papers, Guildhall Library, London, Customer Reference Books; Russian-British relations in the Eighties, Slavic Review 3, №.7 (June 1924); Review, January 1857, CV; Reports of international arbitral awards recueil des sentences arbitrates. Aitcheson Treaties, Volume XI; Journal of Modern History, VIII (1936); Journal of Asian History, 1972, VI; Baring Brothers, Company Archives, Bishopsgate, London Credit Registers.

В **третью группу** вошли материалы дореволюционной периодической печати и журналы, такие как «Исторические записки», «Исторический вестник», «Вопросы истории», «Туркестанский сборник», «Туркестанские ведомости» и «Голос». Во избежание однобокости наших суждений также были использованы дореволюционные источники: политиков, дипломатов, военных и исследователей. Эти материалы дали нам возможность более четко видеть историческую картину в полноте, хотя в постсоветском пространстве имеется бескрайний, весьма солидный научный, научно-популярный багаж, но мы ограничились только теми источниками и литературами, которых мы сочли важными и нужными для нашего исследования.

Научная новизна исследования состоит в постановке и разработке широкого круга проблем, которые ранее не становились предметом специального исследования. Новизна данного исследования состоит в том, что в нем впервые:

- рассматривается история англо-русского соперничества в Средней Азии в фокусе западных исследователей;
- вырабатываются концептуальные основы западных исследователей по англо-русским противоречиям в Средней Азии;
- делается попытка синхронизировать фактологический материал двух противоположных научных подходов с историческими событиями;
- делается попытка определить имперские подходы к колониальным владениям;
- делается переоценка экономического потенциала и экономической целесообразности на базе западных материалов;
- проведен критический подход анализу и сопоставления сведений источников, с целью получения более достоверной информации о политической, экономической, социальной и культурной последствиях в период колониального управления.

Вышеназванные направления научного поиска предопределили основательное обновление исследовательской лаборатории исторического знания и вывели его на новый уровень осмысления основных событий и процессов в жизни народов изучаемого периода.

Методологической основой исследования является подход к анализу имеющихся фактов на основе соблюдения принципа историзма. Использование принципа историзма позволяет рассматривать факты и исторические события в соответствии с конкретной исторической обстановкой в их диалектической взаимной связи и обусловленности. Системный подход к анализу явлений обязывает автора придерживаться максимально беспристрастного и объективного рассмотрения исторических событий. При характеристике любого излагаемого явления соблюдался порядок его последовательного рассмотрения с учетом особенностей природы его генезиса и развития под влиянием разнообразных внутренних и внешних факторов. При оценке анализируемых процессов также применялись (с известными оговорками) и цивилизационные критерии. Его следует воспринимать как особый стремящийся сохранить свою гомогенность, историко-социокультурный феномен, который со времени своего рождения в XIX в. стал важным фактором в мировой политике. В процессе исследования был сделан упор также на сравнительно-исторические и историко-теоретические методы, которые позволили наиболее максимально анализировать исторические события, происходившие в XIX веке.

В исследовании поставленных в диссертации проблем применялся исторический метод, который предполагает изучение исторических фактов и событий в причинно-следственной связи и последовательном развитии. Важным методом исследования являлся системно-структурный подход, базирующийся на том, что историческая реальность представляет собой совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих объектов, определенные целостные образования. Для анализа источников использовались общенаучные методы (обобщение, анализ, синтез); традиционные методы исторического исследования (описательный, компаративный, проблемно-хронологический).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1810 по 1896 года, то есть с момента появления первого эмирата в афганском Герате до завершения делимитации и демаркации на Памире, являвшийся заключительным актом англо-русского противостояния, или же данная хронология является периодом «Большой игры». В принципе, хронология является намного шире, поскольку один из главных моментов

данного исследования включает геополитические противостояния, а данный аспект берет свое начало с 30-х годов XIX и заканчивается в 1907 году с оформлением «Антанты», где по неволе вражеские овраги превращаются на военно-политические мосты.

Объектом исследования являются противостояние и столкновение интересов между Великобританией и Россией по Центральной Азии – как объект целенаправленной большой или геополитической игры.

Предметом исследования являются проблемы противостояний, соперничества между Великобританией и Россией по центрально-азиатскому вопросу в XIX веке со всеми вытекающими отсюда последствиями, некоторые особенности имперских форм управления (сравнительная форма), экономический курс, характер колониальной политики, расширение как геоэкономической, так и акторов.

Основные положения, выносимые на защиту (основополагающие принципы):

- выявление главных векторов или контуров, которые стали факторами столкновения геополитических интересов мировых держав, главным образом Англии и России в среднеазиатском регионе;
- определение мотивации обострения геополитического противостояния по центрально-азиатскому вопросу с участием европейских и центрально-азиатских государств;
- определить буферную роль Российской империи в «Большой игре» в среднеазиатском вопросе;
- проследить общую картину англо-русского соперничества через призму западного историописания;
- выявить программный имперский подход к колониальному владению с учетом мирового видения имперской политики;
- определить главные мотивы усиления экономической политики Англии и России в Средней Азии;
- рассмотреть, явилось ли геополитическое противостояние Англии и России фактором обострения социально-политической нестабильности в Средней Азии.

Теоретическое значение диссертации заключается в том, что она представляет собой комплексное и всестороннее описание англо-русского соперничества в контексте «Большой игры». Соответственно, настоящая диссертация в теоретическом плане основывается на теорию фронта (фронтёр – граница, рубеж, пограничье, это политическая и географическая область вблизи или за пределами нечёткой границы различающегося населения. Фронтёр – это место встречи разных рас, различных религий, непохожих языков, противоположных образов жизни) и проследить как срабатывается данная теория в условиях Средней Азии при вмешательстве двух империй как Англия и Россия. Данные теоретические обоснования важны тем, что современные граничные вызовы как в пределах Туркестанского края, так и формирования афгано-русской границы берет свое начало с имперского периода, то есть Средняя Азия в составе Российской империи.

Или же к нашей теме можно применить – геополитические теории (географическая политика – концепция о контроле над территорией, о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния различных государств и межгосударственных объединений), которые раскрывают сущность выдвигаемой нами проблемы. Поскольку на

постулатах геополитики в Центральной Азии сталкиваются интересы двух могущественных империй – России и Великобритании.

На основе анализа через призму вышеназванных теорий с учетом исторической реалии мы можем определить не только истоки формирования исторических границ, но и контуры современных границ, а также вся правда о конструкции имперских границ, которые в современных условиях становятся головной болью.

Практическая значимость работы заключается прежде всего в важнейших результатах, на основе апробированных материалов, рассмотрение в контексте междисциплинарной дисциплины, и временного и географического пространства. Поскольку в свете исторических свершений и процессы, происходящие в настоящее время, вполне вызывают академического интереса к истории. Практическая ценность многих исторических исследований часто состоит в тех уроках, которые извлекаются из событий и процессов истории и в опыте, которого приобретают в рамке имперской конструкции.

Широкий пласт материалов данной диссертации могут быть использованы при написании обобщающих трудов по всеобщей и отечественной истории нового периода, то есть имперского периода, при составлении учебников по отечественной и всеобщей истории для средних и высших учебных заведений и при составлении учебников и хрестоматий по международной и политической истории, а также истории дипломатии. А также можно широко использовать при подготовке лекционных курсов и спецкурсов.

Личный вклад соискателя заключается:

- в составлении библиографии западных исследователей и определении главных гипотетических основ западных исследований по вопросу англо-русского соперничества;
- в определении теоретических основ западного видения англо-русского подхода к Средней Азии;
- в изложении основных постулатов западной исторической науки по англо-русскому соперничеству;
- в апробации результатов проведенного исследования на различных конференциях и подготовке основных публикаций по отдельным вопросам выполненной работы.

Апробация исследования. Основные положения и результаты исследования были отражены в 5 статьях автора. Статьи опубликованы в рецензируемых научных журналах Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. Основные положения диссертации представлялись в виде докладов и выступлений на различных международных, республиканских и межвузовских конференциях и семинарах. Диссертация обсуждалась на расширенном заседании кафедры всеобщей истории факультета истории и права ГОУ «Худжандского государственного университета имени академика Бободжона Гафурова» (№5 от 29.12.2023 г.), а также на заседании кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таджикского национального университета (№10 от 28.05.2024).

Структура, состав и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав с шестью параграфами, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава – **Истоки столкновения англо-русского геополитического интереса в Средней Азии** освещаются основные усилия в Средней Азии в 1860-х годах, которые способствовали возобновлению российского завоевания, стремление обеспечить рынки престижа представлялся русскому продвижению в Среднюю Азию, это было время быстрой российской имперской экспансии, предпринятой обедневшим правительством, которое посвятило себя внутренним реформам. Этим сухопутным походам в сердце Азии предшествовало десятилетие или более, поскольку экспансия Великобритании и Франции, западные историки долго обсуждали причины завоевание Средней Азии.¹

В этом безусловно важную роль сыграли, экономические факторы, такие как расширение российской торговли, получение дешевого сырья были весьма важны. Надо отметить, что военные планы имперской власти сыграли еще большую роль. География на самом деле благоприятствовала России, поскольку не было никаких серьезных препятствий для продвижения в Степной край вплоть до границы хребта Гиндукуш. Русские военные утверждали, что ограниченное расширение, которое сократит разрыв в его линиях, установит более короткую, более обороноспособную границу, защитит дружественных соплеменников от нападения и защитит торговые пути между Россией и Средней Азией. Самоуверенные генералы и местные губернаторы, которые использовали эти аргументы, стремились, как и их британские и французские коллеги, добиться личного продвижения и славы для себя и своей страны.

Надо отметить, что до возобновления своих успехов в Центральной Азии Россия потерпела унизительное поражение в Крымской войне (1853-1856), а затем начала фундаментальные социальные и военные реформы, чтобы исправить свои слабости и восстановить свой престиж. Воинская честь России была частично восстановлена блестящим умиротворением князем А.И. Барятинским большей части Кавказа (1857-1859). Казна, перегруженная долгами прошлых войн, не могла позволить себе конфликт с крупной державой, но могла поддержать ограниченную, недорогую экспансию для усиления славы России.

Восемнадцать лет спустя, в 1830 году, тот же самый человек, к тому времени сэр Джон Макдональд, посланник индийского правительства в Тегеране, все еще проповедовал свою старую веру в то, что попытка вторжения России будет предпринята из Персии, но с совершенно новой настойчивостью.²

К тому времени ситуация, безусловно, тревожно изменилась. Россия в результате многолетней успешной и почти непрерывной войны отодвинула свою границу с севера Кавказа на юг. Река Аракс захватила две богатейшие провинции Персии, превратила Каспий в русское озеро, подтвердила свое монопольное право на пост консулов в персидских городах и установила политическую и экономическую власть над северной Персией, которая продлилась до конца столетия.³

¹For Soviet and markets and Popov, "Iz istorii zavoevanii Srednei Azii", Istoricheskie zapiski, IX (1940), 1988; E. V. Bunakov "K istorii snoshenii Rossii s sredneaziatskimi xanstvami v XIX, Sovetskoe vostokovedenie, II, 5 ff.; Aminov and Bobokhodzhaev, Ekonomika i k Rossii (Tashk 580-81. The fuller Asia before the Srednei Azii 40 also emphasize tl moves by England Indii," Istorichesk, Western account significant than to the problem is Foreign Policy, Pierce, Russian Schuyler, Turkist t Modern History c Mosse, Alexander chapter VII. See also R. A. Sentral Asia, 1867-1917 (Berkeley, 1960), pp. 17-18; Eugene (New York, 1877), II, 260-65; Geoffrey Wheeler, The i Soviet Central Asia (London, 1964), pp. 48-52; and W. E. II and the Modernization of Russia, (New York, 1958).

²The quotations are from Macdonald's memo, in Bombay, Memoranda, 63.

³A. Conolly, Journey to the North of India, revised London, 1838, Volume II, 327-9, 339, 349-53; undated military memoranda by Conolly in no. 8 of November 25, 1831, P/364.

Британские происки в Центральной Азии требовало создание определенного форпоста для дальнейшей координации своих действий и реализации своих масштабных планов. В этом случае, не случайно был избран город Герат, как в политическом отношении, так и в геостратегическом отношении, поскольку этот город являлся «ключом» в сердце Азии в надвигающейся «Большой игре».

В июне 1877 года, после того как русско-турецкая война продолжалась почти два месяца, султан Абдул Хамид II решил отправить миссию к эмиру Афганистана с целью завоевать его симпатию и сотрудничество. Этот эпизод представляет интерес для истории панисламизма, а также для того света, который он проливает на британскую политику на Ближнем и Среднем Востоке, особенно на деятельность и взгляды этих двух энергичных и самоуверенных практиков дипломатии, А.Х. Лейарда в Константинополе и лорда Литтона в Индии. Обстановка для миссии султана сложна, поскольку она включает в себя религиозное происхождение и англо-афганские, англо-русские и англо-турецкие отношения.

Религиозным элементом, стоявшим за миссией, было панисламское движение, все еще смутное и зарождающееся в 1870-х годах, но, тем не менее, достаточно сильное, чтобы заставить турецкого султана почувствовать, что он может извлечь из этого политическую выгоду, утвердив свое лидерство в качестве халифа¹. Поэтому Абдул Хамид II предпринял попытку, когда в апреле 1877 года началась война с Россией, чтобы пробудить религиозные чувства и, как халиф, разослать призывы о помощи всем истинным последователям Пророка². Он не просто боролся с огнем, поскольку русские в своих военных манифестах и речах упоминали о крестоносном характере борьбы с Турцией³, но также он пытался воспользоваться мусульманскими настроениями, которые медленно развивались. Его надежды нашли отражение в турецкой прессе, которая предавалась диким мечтам о тысячах добровольцев, которые придут из Туниса, Египта, Аравии, Центральной Азии, Индии и Китая⁴. Несомненно, его беседы с такими азиатами в Константинополе, как племянник Якуб-хана Кашгарского, сын эмира Бухары и племянник Шир-Али из Афганистана, также побудили его поверить в возможность своего рода мусульманского союза против врагов ислама.⁵

Наконец, история миссии заполняет значительный пробел в обычном описании англо-афганских отношений, поскольку до сих пор было очень мало сказано или известно о периоде от Пешаварской конференции в конце марта 1877 года до известий о миссии Столетова в Кабул в июне 1878 года.

Русско-турецкая война, казалось, предлагала средство, с помощью которого можно было бы помешать русскому продвижению в Центральной Азии и соответственно продвинуть британские интересы. Таким образом, хотя султан направил одну миссию в Афганистан с просьбой о помощи, Лейард и Литтон поощряли его направить другую,

¹See A. J. Toynbee, *Survey of international affairs*, 1925, I (London, 1927), pp. 32-40; Hans Kohn, *History of nationalism in the East* (New York, 1929), chap. III; Lothrop Stoddard, *New world of Islam*, (New York, 1921), pp. 45-89; Great Britain, foreign office, *Mohammedan history* ("Peace handbooks," Vol. X, No. 57) (London, 1920), pp. 44-50; A. de La Jonquiere, *Histoire de l'Empire ottoman* (2d ed.; Paris, 1914), II, 178; W. S. Blunt, *Future of Islam* (London, 1882), pp. 79-81; J. T. von Eckardt, "Pan-islamismus," *Deutsche Rundschau*, XCIII (1899), pp. 61-63; A. D. Mordtmann, *Stamboul und das moderne Tiirkenthum* (Leipzig, 1878), pp. 129-30; and A. Vambery, "Pan- Islamism," *Nineteenth century*, LX (1906), pp. 547-49.

²Ludwig Raschdau, *Ein sinkendes Reich* (Berlin, 1934), pp. 64-65; *Deutsche Allgemeine Zeitung* (Leipzig), June 21, 1877, p. 1127; *Lettres de Turquie*, Univers (Paris), June 11, 1877, p. 2.

³See especially the proclamation of the Grand Duke Nicholas to the Russian troops as well as that of the tsar and the circular of Gorchakov (Ferdinand Lecomte, *Guerre d'Orient* [Paris, 1877-78], I, 319-23); and also H. O. Dwight, *Turkish life in war time* (New York, 1881), pp. 53-54.

⁴La Jonquiere, II, 69-70; Dwight, pp. 104-5. See *Pall Mall Budget* (London, weekly), June 23, 1877, and subsequent issues for useful summaries.

⁵Layard A. H. *Memoirs*, Vol. V, fols. 42-44, Add. MS 38,935; copy of letter to Lytton, June 14, 1877, Add. MS 39,130, fols. pp. 36-37.

главной целью которой, по их мнению, было вернуть эмира в британскую сферу влияния и добиться от него уступок Великобритании. Если бы их надежды оправдались и если бы миссия султана в Кабуле была успешной в этом отношении, афганской войны 1878-79 годов вполне можно было бы избежать. Как бы то ни было, миссия представляла собой интересную, но тщетную попытку косвенно через османского султана добиться того, чего Литтону не удалось достичь путем прямых переговоров с Шир Али из Афганистана.

В конце XIX века, в то время как другие державы искали колонии за рубежом, Россия продвинулась на юг от Сибири и на восток от Каспийского моря до границ Афганистана, Ирана и Индии. В результате завоевательного продвижения России в Центральную Азию, в ее состав были включены четыре степные провинции – Уральск, Тургай, Акмолинск и Семипалатинск, юго-восточная часть Европейской России и Туркестанское генерал-губернаторство (Сырдарьинская, Ферганская, Самаркандская, Закаспийская и Семиреченская губернии), а также под протекции попали Бухара и Хива.

Помимо этого, Русский Туркестан включал в себя восточную горную область с обильной водой и плодородной лессовой почвой, а также западную пустыню и соляную степь, содержащую несколько богатых оазисов. В 1914 году только пятая часть из 655 427 квадратных миль казалась пригодной для развития. С гидрогеографической точки зрения, Туркестан представлял собой обширный бассейн без выхода. Две главные реки, Амударья и Сырдарья, впадали в отступающие Каспийское и Аральское моря; более мелкие реки впадали в пески пустыни. Континентальный климат обусловил резкие колебания температур.

Однако, русское представление о значении Туркестана развивалось в позднюю царскую эпоху. Первоначально считавшийся базой для дипломатического и военного соперничества с Великобританией, он позже рассматривался как резервуар сырья, рынок для промышленных товаров и убежище для голодных обезземеленных крестьян.

До 1850 года российские лидеры не рассматривали стратегическую ценность Центральной Азии. Они покорили казахскую степь (1730-1850) не для того, чтобы угрожать Индии, а для того, чтобы получить безопасные границы и доступ к восточным рынкам. На протяжении веков караваны привозили в Центральную Азию русский текстиль, изделия из металла и сахар в обмен на сырую шерсть, хлопок, ковры, драгоценные камни и предметы искусства. Эта торговля быстро росла до 1838 года, когда английская конкуренция вызвала временный спад. Но британские индийские товары, затрудненные расстоянием и плохими коммуникациями, не смогли вытеснить российские товары из Центральной Азии. С 1851 по 1861 год торговля Средней Азии с Россией почти утроилась, а российский экспорт мануфактур увеличился в шесть раз¹.

В период с 1864 по 1868 год, игнорируя предупреждения министерства иностранных дел о том, что быстрая экспансия может спровоцировать кризис с Великобританией, небольшие русские войска начали захватывать мусульманские города туркестанских оазисов с незначительной ценой жизни и денег. Российские лидеры осознали потенциал Ташкента, главного торгового центра региона. Перед взятием Ташкента, Оренбургский губернатор писал: «В наших руках должны быть основные торговые, караванные и военные пути и проходы из Бухары и Коканда на север и северо-запад, а также из Кашгара через

¹Becker S. Protectorates of Russia in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924 (Cambridge, Massachusetts, 1968), pp. 11-13; Peirce, pp. 190-192; Аминов, А.М. Экономическое развитие Средней Азии. – Ташкент, 1959. – С. 66.

Алатау в Китай. Все наши усилия должны быть направлены на установление и укрепление благоприятных коммерческих отношений с народами Центральной Азии»¹.

Завоевание Туркестана, в Биржевой ведомости объяснялось следующим образом, что якобы данная коммерческая газета положила бы конец коканскому деспотизму, защитила бы купцов и принесла бы большую пользу России. «Сейчас в нашем распоряжении, – писалось, – находится регион, наиболее благословенный в мире по климату, почве и минеральным богатствам. Они утверждали, что-либо Россия должна эффективно управлять им, либо отказаться от всей территории за рекой Иртыш и Каспийским морем. Имея гималайскую границу и разумную администрацию, Россия могла бы строить железные дороги, способствовать колонизации и использовать богатства Туркестана»².

В течение этого периода не было таких простых отношений между центральным правительством и местными офицерами, которые подразумеваются в таких фразах, как «неконтролируемые» или «жестко контролируемые» военные. Местные офицеры не предпринимали экспедиций без специального разрешения, но они лоббировали их, и лоббировали усердно. Как только разрешение было дано, они, как правило, делали два шага, а не один разрешенный. Реальная власть местных офицеров заключалась не в их способности инициировать действия, а в их праве решать, когда остановиться, и в их монополии на информацию.

Вторая глава – Основные векторы англо-русской политики в Средней Азии рассматривает продвижение России в Центральную Азию как логическим продолжением англо-русского театра соперничества от турецких проливов до Кавказа, до северных окраин Персии и Афганистана. Соперничество с Англией служило скорее стимулом, чем сдерживающим фактором для российской экспансии, побуждая Россию действовать упреждающе в Центральной Азии. Даже когда он завершил свою работу на Кавказе, генерал А.И. Барятинский выступал за создание железной дороги, связывающей российские порты на восточном берегу Каспийского моря с Аральским морем, шаг, неизбежно влекущий за собой утверждение российской власти над Хивинским ханством. Задержка, утверждал он, «не будет способствовать нашему успеху в будущем, но даст свободу нашим врагам для укрепления своего влияния и господства в Азии»³.

В контексте среднеазиатских проектов России казахская степь представляла собой пограничную зону, отделяющую Российскую империю от древних царств-оазисов, граничащих с Персией и Афганистаном. Столкнувшись с безжалостным политическим, демографическим и военным давлением со стороны России, казахи оказались в положении, напоминающем положение равнинных племен Северной Америки примерно в то же время. Неумолимое вторжение русских казаков и поселенцев заставило племена сначала сопротивляться русским, а затем рухнуть под тяжестью безжалостного демографического и военного давления. Несмотря на сознательные замыслы российских чиновников и генералов, непреодолимая разница между русской и казахской культурами исключала любые шансы на стабильное сосуществование.

¹Голос, "По поводу присоединения Ташкента", № 289, 1866.

²Биржевые ведомости, "По поводу толкований иностранцев", № 302, 1866

³"Pis'mo gen. adiut. kn. Bariatinskogo k voennomu ministru, gen. adiut. Sukhozanetu, ot 9-go iyunia 1857 goda," Akty sobrannye kavkazskoi arkhеоgraficheskoi komissiei, vol. 12, pt. 3 (Tiflis, 1893), 196—97. As noted by Jacob Kipp, "Russian Naval Reformers and Imperial Expansion, 1856—1863," in Soviet Armed Forces Review Annual, vol. 1 (Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 1977), 123, the Naval Ministry also took an active interest in Central Asian expansion.

Второй крупной зоной в Центральной Азии было пустынное пространство к югу от Аральского моря, область, разделенная несколькими крупными реками и ограниченная в своей юго-восточной оконечности внушительными горными хребтами. Культура в этом районе на протяжении многих веков была сосредоточена в скоплении плодородных оазисов, связанных между собой древними караванными путями. Три так называемых ханства-Бухарское (население 3 миллиона), Кокандское (население 1,5 миллиона) и Хивинское (население 500, 000)¹ – доминировали в пустыне и часто распространяли свое влияние далеко в степь.

Завоевание Россией Центральной Азии проходило в три этапа, отражая политическую географию региона. В течение 105-летнего периода с 1735 года, когда она отодвинула свою южную границу до Оренбурга на северной окраине Казахской степи, примерно до 1840 года Российская империя занималась заселением и укреплением своих пограничных земель в юго-восточном Поволжье и Западной Сибири. С 1840 по 1864 год русские войска охватили казахскую степь. Следующим шагом было подчинение трех среднеазиатских ханств, которое завершилось падением Хивы в 1873 году. Разгром туркмен Теке в 1880-х годах стал завершающим этапом завоевания и привел российское господство к современным границам Ирана и Афганистана.

Для русских в Центральной Азии борьба с врагом сама по себе не представляла серьезной проблемы, как только ее условия были полностью поняты. Скорее, как выразился один современный российский наблюдатель, организация снабжения и приобретение транспорта представляли собой «наиболее важные трудности в подготовке кампании».²

Другими словами, Россия утверждала, что причиной русской экспансии были обстоятельства, а не какой-либо грандиозный план завоевания. Все, к чему стремилась Россия – это стабильная граница с ответственным государством, и, достигнув этого, она не будет стремиться к дальнейшим завоеваниям.³

Историкам долгое время было трудно проводить содержательные сравнения между Российской империей в Азии и западными колониальными империями девятнадцатого века. Несмотря на огромные территории, которые она контролировала, населенные людьми, чуждыми славянам по расе и религии, аргумент о том, что имперская Россия не была «колониальной» державой в том же смысле, что Британия или Франция, остается привлекательным. Было что-то особенное, симбиотическое в отношениях между русскими и турками, персами, грузинами и армянами, что отличало их от отношений между французами и арабами или британцами и индийцами.⁴ Российская аристократия полностью ассимилировала татарское, польское и грузинское дворянство (обычный пример-грузинский князь Багратион, возглавивший царские армии против Наполеона в 1812 году). Россия не была «завоевательной» или «империалистической» державой в том же смысле, что и западные державы: (Россия) либо оккупировала пустошь, либо объединила с собой историческим путем непринужденной ассимиляции такие племена, как Чудь, вес и меря, или, как они есть сегодня, зыряне, черемисы и мордва, у которых не было ни зародышей исторической жизни, ни стремления к ней; или, наконец, взяла под свое покровительство и

¹ Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. М.: Наука, 1965. С. 52-53.

² Potto V. "O stepnykh pokhodakh," pt. 2, Voennyi sbornik, no. 5 (1873):25.

³ Dietrich Geyer, Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860-1914 (New Haven, CT: Yale University Press, 1986).

⁴ Rudyard Kipling, "The Man Who Was," in Life's Obstacle, London, 1903, p. 97.

защиту такие племена и народы, которые, окруженные врагами, уже потеряли свою национальную независимость или больше не могли ее защищать, как армяне и грузины.¹

Российская и Британская Азиатские империи как – никак сродни. Обычно утверждают, что, в отличие от западноевропейских империй, Российской империей управляла многорасовая элита, включавшая русских, украинцев, белых русских, прибалтийских немцев, грузин, армян, татар, а в Центральной Азии Хивинского хана, Бухарского эмира и их гражданскую службу. Эта наднациональная элита в большей или меньшей степени разделяла высокую культуру, одинаково чуждую как русским, так и тюркским крестьянам. Политические права и другие привилегии зависели не от расы, а от положения или положения в табели о рангах Петра Великого.

Таким образом, признавая, что ситуация, возможно, была иной в Центральной Азии, Хоскинг пишет о российской имперской экспансии, что «все это происходило без какой-либо презумпции превосходства простых русских над другими народами империи», в то время как «отношения между различными народами были заметно менее расистскими, чем, скажем, в Британской империи». Хотя и более изощренная, она похожа на советскую интерпретацию, которая господствовала со Второй мировой войны до перестройки, российской империи, основанной в основном на классовой иерархии. Эта точка зрения проистекает отчасти из скудости исследований тех областей Российской империи, которые больше всего напоминали другие европейские колониальные владения, в первую очередь Туркестан, а отчасти из отсутствия сравнительной работы по западноевропейскому и российскому империализму.

В третьей главе – Англо-русская колониальная политика в Средней Азии, раскрывается привилегированное положение российских предприятий в экономическом проникновении в Центральную Азию, нерусские предприятия смогли сыграть важную роль в раннем развитии ключевого коммерческого сектора региона-торговли хлопком. Причины этого довольно просты. Во-первых, еврейское меньшинство Центральной Азии, с его прочно укоренившимся положением в местной торговле, имело стратегически хорошие возможности для участия в развитии торговли хлопком между регионом и Центральной Россией. А во-вторых, для тех западноевропейских фирм, которые были традиционными поставщиками хлопка в российскую текстильную промышленность, расширение торговой деятельности в Центральной Азии рассматривалось как логическое развитие их бизнеса. Такие фирмы хорошо практиковались в том, чтобы избегать дискриминационных законов против иностранного участия, используя простые способы получения российского гражданства и создания своих российских фирм в соответствии с российскими законами. В эпоху резкого русского национализма после русско-японской войны они старались не оскорблять восприимчивость русских, слишком откровенно рекламируя свой нерусский характер, хотя для таких фирм могли возникнуть трудности, когда они хотели купить землю.

Хотя внедрение улучшенных сортов американского хлопка в Туркестан и развитие его транспортных связей с Центральной Россией были предметом западных исследований, вклад фирм, действующих в качестве посредников между производителями хлопка в

¹Данилевский Н.И. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому (1871), Москва, 2003.

Центральной Азии и потребителями хлопка в Центральной России, в значительной степени игнорировался¹.

Кроме того, при активном участии в регионе таких крупных российских хлопчатобумажных текстильных фирм, как Большая Ярославская мануфактура и был признан текстильный концерн Морозова, что не привлекло внимания западной науки, так это роль нерусских фирм, как местных, так и западноевропейских, упомянутых выше. Именно вклад таких фирм в развитие центрально-азиатской торговли хлопком и их успех (или как-то иначе) в условиях жесткой конкуренции российских банков в первые годы этого столетия является основным предметом настоящего исследования. Но поскольку иностранные капиталы в российских банках были значительными, необходимо рассмотреть вопрос о том, в какой степени контроль над торговлей хлопком приравнялся к русификации этой торговли.

Хотя причины, по которым Россия расширила свое господство в Центральной Азии, были различными, нет никаких сомнений в том, что в начале 1860-х годов хлопковый голод, вызванный Гражданской войной в Америке, усилил интерес России к потенциалу Центральной Азии как региона выращивания хлопка. Цена хлопка в Москве выросла с четырех до пяти рублей за пуд (1 пуд = 16,38 килограмма) в 1861 году до 22-23 рублей за пуд в 1864 году, что сделало привлекательным предложение альтернативного источника поставок, который мог бы находиться под более тесным контролем России².

В этом случае только с 1880-х годов Центральная Азия стала значительным поставщиком хлопка для российской промышленности. Как только Гражданская война в Америке закончилась, цены на хлопок упали, и площадь, отведенная под хлопок в Центральной Азии, резко сократилась. Однако к 1913 году российская текстильная промышленность получала около 55 процентов своего хлопка из империи; среднеазиатские сорта хлопка значительно уступали американским, и в любом случае в регионе не было технологий для извлечения семян или прессования их в тюки для удобства транспортировки³.

Улучшение связи с Центральной Россией произошло с развитием железнодорожной системы. До этого среднеазиатский хлопок, предназначавшийся для России, должен был идти через опасные и дорогие верблюжьи караваны в Оренбург. До тех пор, пока Оренбург не был связан с российской железнодорожной сетью завершением строительства линии Самара-Оренбург в 1870 году, дальнейший транспорт в Центральную Россию оставался проблематичным.

Основной мотив для этого был скорее военным, чем коммерческим; тем не менее к 1888 году центрально-азиатская железная дорога пересекла Амударью и продолжила движение вверх по Зеравшанской долине до Самарканда. Экономическое значение, которое эти расширения придавали линии, было еще более усилено строительством линии связи с глубоководным портом Красноводск на Каспии в 1896 году и расширением линии до Андижана в Ферганской долине с ответвлением на Ташкент, завершенным в 1899 году. Дальнейший толчок связям в регионе был дан с завершением строительства линии Оренбург-Ташкент в 1906 году. Устраняя необходимость в перевалке через Каспийское

¹Whitman J., 'Turkestan Cotton in Imperial Russia', *American Slavic and East European Review*, XV (1956), pp. 190-205; and D. Spring, 'Railways and Economic Development in Turkestan before 1917' in L. Symons and C. White (eds.) *Russian Transport: An Historical and Geographical Survey* (London, 1975), pp. 46-74.

²Prince V. I. Masalskiy, *Turkestanskiy Kray, Povolnoye Geograficheskoye Opisaniye Nashego Otechestva*, (The Turkestan Region: The Complete Geographical Description of our Fatherland) xix (St. Petersburg, 1913), pp. 454-66.

³Whitman J. Op. cit., pp. 190-205.

море, что является недостатком центрально-азиатской железной дороги, эта новая линия обеспечила более прямую связь с хлопчатобумажными фабриками Центральной России¹.

В исследованиях, посвященных русской колонизации Туркестана, в частности влиянию администраторов иностранного происхождения на жизнь коренного мусульманского населения региона, историки склонны подчеркивать политику фон Кауфмана «игнорирования» исламской институциональной и культурной деятельности. Эта политика, по мнению Дэниела Брауэра, основывалась на явно противоречивой теоретической основе. С одной стороны, генерал-губернатор был глубоко предубежден против благочестия, которое обычно проявляли мусульмане, и опасался панисламских заговоров, организованных Османской империей. С другой стороны, он утверждал, что выступает за политику терпимости, начатую Екатериной II.²

Недавние исследования подчеркнули тот факт, что махкама была типично колониальным институтом и была немедленно заброшена, поскольку она не соответствовала политике невмешательства в жизнь мусульман. В частности, вероятно, на основании описания, данного Василием Васильевичем Бартольд (1869-1930), 20 считалось, что он был вдохновлен махкамами на Кавказе и в Алжире.³ Важно иметь в виду, что наиболее влиятельные специалисты по исламскому праву в Российской империи, те, кто «предлагал создать сеть государственных исламских судов на Кавказе, [...] находились под влиянием французского опыта создания централизованной бюрократии кадра в Алжире».⁴ Также мы не должны исключать гипотезу о том, что создание центрального судебного органа произошло под влиянием французского опыта создания централизованной бюрократии кадра в Алжире.

В заключении отмечается, что в результате англо-русского противостояния Россия одержала верх в завоевании Средней Азии, имевшей для империи большое политическое и экономическое значение, тем самым обеспечив себе полное господство над Каспийским морем и его рынками, укрепив контроль над иранскими делами и предоставив ей новые и ценные рычаги влияния в отношениях с Великобританией. Наследство для армии, как и в случае с Кавказом, было скромным и недолговечным. Внезапная смерть М.Д. Скобелева, чья легенда приобрела героические масштабы, отчасти объяснила этот факт. Офицеры, служившие в Средней Азии, не нашли нового театра, на котором они могли бы перенести свой опыт. Россия все больше втягивалась в европейские дела и в борьбу за рынки и влияние на Дальнем Востоке. Таким образом, взгляд русских офицеров на великие походы в степи и пустыни, возможно, лучше всего иллюстрируется этим взглядом: Туркестан, то же, что Алжир для Франции, - «своего рода школа подготовки к более серьезной работе. Очень многие из наших молодых офицеров извлекут свои первые уроки из этой экспедиции и станут для них намного лучше; но в целом азиатская война вряд ли является хорошей школой для европейских солдат».

Царские военные и дипломатические чиновники постоянно исследовали пределы российской власти в Центральной Азии. Создавая административный аппарат для обеспечения безопасности Туркестана для империи, они все еще смотрели на восток – на «Новый Китай». Граница (Синьцзян) – и на юг – в Британскую Индию, Афганистан и Персию. События в Европе и на Дальнем Востоке часто определяли масштабы

¹ "Туркестанские ведомости", 15 июля 1914 г. и 16 июля 1914 г.

² Brower D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*, London & New York: Routledge Curzon, 2003. – p. 33.

³ Бартольд, 1963, с. 353, 354-355; Азадаев, 1959, с. 92-94. Бартольд и Азадаев цитируют воспоминания Романовского (1868).

⁴ Kemper, 2007. – pp. 81-82.

возможностей России на ее приграничных территориях. Тем не менее царские элиты рассуждали о том, что их способность проецировать власть в Азии также зависит от имиджа России в этих странах.

Анализ материалов по исследуемой теме привело к следующим выводам:

1. Соперничества английских колонизаторов на афганских границах и в самом Афганистане в течение 70-х годов вызвали все возрастающее недовольство не только народных масс, но и правящих кругов страны. В ответ на бесцеремонное вмешательство англо-индийских властей во внутренние дела Афганистана Шир-Али-хан с 1877 года начал готовиться к оборонительной войне против английских захватчиков. С целью срыва подготовительных мероприятий афганцев и организации меж-феодальной борьбы внутри страны, английские колонизаторы всемерно использовали высшее турецкое духовенство, агентуру турецкого султана.

2. Разгром турецких войск в 1877-1878 годах, Сан-Стефанский мирный договор привели к значительному усилению русского влияния на Балканах, к резкому обострению англо-русских и австро-русских противоречий в Юго-Восточной Европе.

3. Английская историография пытается доказать, что основной причиной англо-афганской войны было прибытие в Кабул русской миссии во главе со Столетовым. Это является очередной фальсификацией английских колонизаторов. В действительности, англичане много лет готовились к захватнической войне против Афганистана, рассчитывая закабалить его и использовать его как плацдарм для агрессии против Средней Азии.

4. Английская агрессия в Афганистане вызвала мощный подъем народно-освободительного движения. Народы Афганистана, не желая добровольно надеть на себя цепи рабства, вели против английских оккупантов героическую борьбу, что вынудило последних после смерти Шир-Али-хана пойти на компромиссное соглашение с новым эмиром Абдурахман-ханом и вывести свои войска из страны. Англия признала его эмиром Афганистана. В результате второй англо-афганской войны (1878-1879 гг.) англичане установили свой протекторат над Афганистаном.

5. Великобритания, готовясь к новой агрессии в Средней Азии использовали соглашение с Абдурахман-ханом. Их агентура, действуя через Герат и персидский Хорасан, начала проявлять большую активность в Туркмении. Они организовали разбойничьи шайки и, снабдив оружием и деньгами, рассылали их во все стороны оазиса, чтобы вызвать возмущение народа против России. В этот же период в 1883 году афганские власти под давлением англичан, в нарушение русско-афганского соглашения 1873 года, присоединили Шугнан и Рушан.

6. Русское правительство в 1884 году повторило свое, сделанное в 1882 году, предложение о проведении англо-русских переговоров относительно полной демаркации русско-афганской границы. Англия, дав формальное согласие, в то же время рассматривали англо-русские переговоры о демаркации как ширму, за которой они готовили новую агрессию. С этой целью проводилась концентрация англо-индийских войск на северо-западных рубежах Индии, усиливалась шпионская диверсионная деятельность в Средней Азии. Генерал-квартирмейстер индийской армии Мак-Грегор разработал план войны с Россией, предусматривавший отсечение Средней Азии и расчленение всей страны.

Русское правительство считало, что предстоящее разграничение должно являться дополнением к соглашению 1873 года, и предложило начать определение афганской границы от Ходжа-Салеха, признанного на основании указанного соглашения крайним

пунктом владений афганского эмира. Однако английское правительство не согласилось с этим и заявило о том, что его наиболее существенные интересы связаны с западной частью афганской границы, примыкающей к р. Герируда. Поэтому комиссары должны определить исходный пункт названной границы на Герируде и от этого пункта направиться к Ходжа-Салеху. Русское правительство, избегая осложнений, согласилось начать работы по разграничению от Герируда.

7. 30 июля 1884 года русское правительство официально заявило английскому правительству о том, что «для успеха его политики все племена туркмен-сарыков, живущие от Иолотани до пограничных постов Афганистана, должны быть подчинены влиянию русских властей и Абдурахман-хан должен отказаться от всяких притязаний на расширение своих владений за счет территории туркмен-сарыков, не являющихся подданными Афганистана.

Однако английские колонизаторы стремились под марки демаркации русско-афганской границы осуществить свои агрессивные планы в Средней Азии. Поэтому они провоцировали афганского эмира Абдурахман-хана на захват туркменских земель с целью вызвать русско-афганский конфликт. В этом случае англичане пришли бы на помощь афганцам и приступили бы к осуществлению своих агрессивных планов. Именно такие цели преследовала английская комиссия по разграничению, выехавшая в Афганистан.

8. Всемерно затягивая переговоры о разграничении, английские империалисты толкали афганцев на развязывание конфликта в районе Пендинского оазиса. В результате 18 марта 1885 года в Пендинском оазисе произошло спровоцированное английским империализмом вооруженное столкновение русских и афганских войск.

Англо-индийское правительство срочно пригласило Абдурахман-хана в Раульпинди, предложило начать серьезные военные действия против России в Средней Азии, укрепить Герат и заявило, что будет поддерживать его своими военными силами и снабжать деньгами и оружием. Абдурахман-хан не желал войны. Он согласился уступить России Пенде и этим решить вопрос афганского разграничения мирным путем. Столкновение при Таш-Кепри вызвало резкое обострение англо-русских отношений. Разгром афганских войск при Таш-Кепри был серьезным ударом по агрессивным планам английского империализма в Средней Азии.

Напряженная обстановка в Европе, обострение англо-французских и англо-германских противоречий из-за раздела Африки и Юго-Восточной Азии лишили Англию союзников против России. Со своей стороны, русское правительство также стремилось к мирному урегулированию конфликта. В этих условиях в 1885-1887 годах были завершены англо-русские переговоры о русско-афганском разграничении. Была установлена русско-афганская граница.

На основе полученных результатов исследования данного периода, разработаны следующие рекомендации и предложения:

- Рекомендуется использовать материалы и выводы диссертации в подготовке фундаментальных исследований, учебников, учебных пособий по всеобщей истории, истории Средней Азии, или для чтения специального курса по политико-экономической истории и международные отношения как у студентов, так и у магистрантов.

- Разработать многовекторный аспект для усовершенствования межгосударственных отношений в системе международных отношений, международных доктрин в контексте исторического опыта.

- Разработать динамику развития межнациональных и межэтнических отношений.

Бурно развивающиеся политические события общества в целом никаким образом не должны отражаться на конструктивном подходе к освещению истории Центральной Азии в рамках «Большой игры», а главное не должны влиять на их взаимосвязи. При этом необходимо максимально стараться находить закономерности, исторические события в контексте исторической реальности того периода. При анализе и определении степени того или иного события исходить из степени их влияния на определенные исторические тенденции, которые послужат стимулом для общего прогресса.

Публикации автора в научных журналах, входивших в перечень ВАК Минобрнауки Российской Федерации:

1. Исмоилова М.Б. Влияние «панисламизма» и «пантюркизма» на социально-политическую и духовную жизнь среднеазиатских народов // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2023. №2. – С. 15-21. ISSN: 2074-1847 (в соавторстве)
2. Исмоилова М.Б. Духовная жизнь в Ходжентском уезде (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2023. №5. – С. 11-18. ISSN: 2074-1847 (в соавторстве)
3. Исмоилова М.Б. Англия на подступах к Средней Азии: Афганский вектор (1838-1857 гг.) // Учёные записки. – Худжанд, 2023. №4 (77). – С. 42-49. ISSN: 2077-4990
4. Исмоилова М.Б. Экономическая политика Британии на Ближнем Востоке (1825-1850 гг.) // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2024. №2. – С. 11-17. ISSN: 2074-1847
5. Исмоилова М.Б. Османская империя в экономическом векторе Британии (1825-1855 гг.) // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2024. №7. – С. 32-42. ISSN: 2074-1847

Публикации в других изданиях:

6. Исмоилова М.Б. «Бухара» - как геополитический и геоэкономический объект в имперском измерении»: материалы международной научно-практической конференции на тему «Процессы трансформации системы административного управления в Центральной Азии в XIX – начале XX вв». г. Костанай, 8 ноября 2024 года. – С. 78-83.